

преобразованием образа жизни согласно определенным философским учениям, что позволяет выявить еще одну форму философской практик.

Соотношение теоретической философии и фундированных ею философских практик свидетельствует о нецелесообразности рассмотрения их в качестве дифференцированных друг от друга областей знания. Хотя теоретическая система философского знания и практика его применения могут развиваться параллельно, а философский дискурс – существовать отдельно от практик его реализации, философская практика может совпадать с ценностными убеждениями людей, практикующих их в соответствии с той или иной концепцией. Следовательно, многообразие подходов, описанных различными философскими школами, не только оправдано, но и демонстрирует преимущество, связанное с тем, что философская практика может оказать влияние на большее количество людей, имеющих различные предпочтения, убеждения и отличающихся уровнем подготовки.

В процессе исторической реконструкции было выявлен ряд исторических форм философской практики: «упражнение в смерти» Платона; диалектический метод Сократа; духовные упражнения стоиков и П. Адо; «техники самотрансформации» в неоплатонизме и в философии М. Монтеня; «забота о себе» М. Фуко и М. Хайдеггера. Все они представляют собой мыслительную и коммуникативную деятельность, задающую специфически философский образ жизни, связанную с осмыслением фундаментальных проблем человеческого бытия.

Список литературы

1. Платон. Театет. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
2. Гаджикурбанова, П. А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. Вып. 9. – М.: ИФ РАН. – 2009. – С. 27–42.
3. Плотин. Эннеады / Плотин. – К.: «УЦИММ-ПРЕСС», 1995–1996; К.: PSYLIB, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/ploti01/> (дата доступа: 4.03.2020).
4. Кузанский, Н. Собрание сочинений: в 2 т. / Н. Кузанский. – М.: Мысль, 1979. – Т. 1. Цифровая библиотека по философии [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000579/> (дата доступа: 3.03.2020).
5. Монтень, М. Опыты. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Голос, 1992. – Т. 1. – 384 с.
6. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь Год, 1996. – 448 с.
7. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: ad Marginem, 1997. – 1510 с.
8. Адо, П. Духовные упражнения и античность. – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 448 с.
9. Адо, П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом и. Дэвидсоном. – М.; СПб.: Изд-во «Степной Ветер»; ИД «Коло», 2005. – 288 с.

ФИЛОСОФИЯ КАК ОБРАЗ ИЛИ ТЕХНИКА ЖИЗНИ

Кацапова И.А.

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института философии РАН
(Москва, Россия)*

УДК 101

Философия как особый образ жизни является сознательным и свободным выбором, в отличие от университетского образования, которое является «выражением поучительного человеческого опыта».

Ключевые слова: философия, мораль, греческая этика, техника жизни, эстетика существования.

PHILOSOPHY AS A WAY OR TECHNIQUE OF LIFE

Katsapova I.A.

*PhD in Philosophy, senior researcher
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences.
(Moscow, Russia)*

Philosophy as a special way of life is a conscious and free choice, in contrast to university education, which is "an expression of instructive human experience".

Keywords: philosophy, morality, Greek ethics, the technique of life, the aesthetics of existence.

Тематическая преемственность в философии является существенным моментом в становлении философского знания от идеи универсального познания бытия, до определения «смысла жизни» отдельного человека. Но важно также проследить «коренную противоположность», как считал П. Адо (P.Nadot), между «античной философской школой, которая обращается к каждому отдельному индивидууму, оказывая глубокое воздействие на его личность», и, собственно, университетским знанием и университетом, «задача которого – присуждать дипломы соответственно определенному уровню знаний, подлежащему объективной оценке» [1, с. 274]. Университетская философия в той или иной ситуации зависит от объективно существующих обстоятельств – от теологии, во времена средневековья, иногда от науки, но «всегда и везде она подчинена императивам общей организации преподавания, а в современную эпоху – и научных исследований» [1, с. 274]. Функциональная организация преподавания философии: подбор преподавателей, выбор учебных дисциплин и экзаменов, непосредственно зависит и, соответственно, отвечает т.н. «объективным критериям» политическим, финансовым, которые весьма далеки от самой философии. Функциональная обязанность преподавателя в этой системе, в свою очередь, сводится к подготовке к профессии ученого или преподавателя, т.е. специалиста, теоретика в области философии.

Очевидность «коренной противоположности» античной философской школы и университетским знанием состоит в том, что в античности, как утверждает Адо, «формировали человека», в университетах готовят специалистов по философии, и такого рода знание «не определяет всю дальнейшую жизнь человека, к чему стремилась античная философия» [1, с. 275]. В конечном счете, став «только выражением поучительного человеческого опыта» (Витгенштейн), философия между тем не утратила известной устойчивости и неистребимости античной концепции. Не будет преувеличением сказать, что каждая эпоха создавала свой образ античности.

В античности философия была особым образом жизни, сознательно и свободно избранным философским отношением к действительности, при котором античный человек, живя философской жизнью, неустанно само-совершенствовался. Пьер Адо тесно связал «философский образ жизни» с «философским дискурсом» [1, с. 19], не противопоставляя и не разделяя «философию как образ жизни» и «философский дискурс как нечто в известном смысле внешнее по отношению к философии» [1, с. 20]. Напротив, он стремился показать, что жизненный выбор философа (античного) определяет его философский дискурс, который является неотъемлемой частью образа жизни. Дискурс, как настоящий разговор, представляет собой словесную игру, где сам разговор выступает не в качестве поединка, но в качестве обмена мнениями, воззрениями. Наилучшим примером подлинного служения философии и философского образа жизни является жизненный путь Сократа (в диалоге Платона «Пир»). В истории философии образ Сократа практически уже не мыслим вне философского дискурса, который, приобретая характер духовной практики, позволял собеседнику духовно совершенствоваться, открывая новые возможности внутреннего преображения. Практический опыт сотрудничества в такой ситуации детерминируется моралью, которая приобретает общественный характер взаимодействия между заинтересованными друг в друге людьми.

В древнегреческом мире философы-мудрецы, рассуждая о нравственности на уровне философской моралистики, отстаивали этический идеал человека, устремленного прежде всего к духовным благам. При этом они подчеркивали привлекательность и мудрость человеческого, гуманного характера несуетного образа жизни. Стиль их нравственного философствования очень близок был житейски-нравственным рассуждениям о благонравии, добродетели, духовно ориентированного человека. Весьма характерным моментом античной практики было и то, что в рамках древнегреческой этики люди больше интересовались своим поведением, своей этикой, своими взаимоотношениями с другими, чем проблемой человеческого, индивидуального существования.

Преобладающим направлением античных исследовательских программ является направление «Смысл жизни – в самой жизни человека». Древние греки говорили о человеческом достоинстве и учили не морали как таковой, а добродетели, что, по существу, не является тождественным¹. Традиционные добродетели аттического общества такие как – благоразумие, храбрость, умеренность во всем, справедливость, честность – были для греков приоритетными. Простота нравственного философствования позволяла им быть уверенными в том, что люди знают о существовании добродетелей и поэтому могут и должны к ним стремиться. В тоже время античные греки считали, что подлинная добродетель в поступках должна быть противопоставлена речам о добродетели. основополагающей проблемой их внимания становится интенция: что должен делать человек и что он должен использовать, чтобы жить так, как ему следует жить. По существу, главной проблемой их внимания становится – *техника жизни*.

Греческая этика центрируется на проблеме персонального выбора, но не на проблеме индивидуализации существования, а на так называемой *эстетике* существования, т.е. главной целью, главным идеалом подобной этики был эстетизм. В рассуждениях Аристотеля о добродетели и поступках, он акцентирует внимание не на психических и волевых качествах поступков, а на общественно значимом и практически полезном их действии. Человеческие поступки и добродетель не даны человеку от природы, они имеют практически полезное действие и должны быть в человеке воспитаны: «признаки добродетели и соответствующие им поступки и чувства нравственно хорошего человека прекрасны, (...)» [2, с. 44], «прекрасны те, которые человек совершает, имея в виду нечто желательное, но не для себя самого, прекрасны также (...) поступки, которые кто-либо совершил для пользы отечества, презрев свою собственную выгоду (...)» [2, с. 22].

Впоследствии проблема техники жизни переросла в *технику себя*: каждый должен был заботиться о себе, чтобы править городом (Платон в «Алквидаде»). Древнегреческая этика, по мнению М. Фуко, была «исключительно проблемой личного выбора» [3, с. 136], и, собственно, не пыталась нормализовать население. Она была элитарной и практически «закреплена лишь за немногими представителями населения, это не был вопрос формы поведения каждого. Это был персональный выбор узкой элиты» [3, с. 136]. Тематическая преемственность данной этики – это стремление жить прекрасно и желание оставить другим свои «воспоминания о прекрасном существовании». Предметом, или темой их философского дискурса было конституирование *особой этики*, которая представляла бы собой такую *эстетику существования*.

Жизненные правила эллинов выросли из обобщения ими личного и общественного опыта. И если в древности мыслители стремились научить человека житейской мудрости, определив ему смысл жизненного пути, то сегодня, недостаточно самостоятельной рефлексии над жизнью, в ситуации, когда добрые нравы уходят в прошлое, и перестают быть субстанциальными и реальными, возникает необходимость в философском оправдании и возвращении их к жизни.

Список литературы

1. Адо П. Что такое античная философия. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.

¹ Термины «мораль» и «этика» дают не просто два разных понимания, но и два разных состояния морали

2. Аристотель. Риторика // Античные риторика. Кн. 1. – М., МГУ, 1978. – С. 15–164.
3. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. № 2 (65), 2008. – С. 135–158.

«ПИСЬМО О ГУМАНИЗМЕ» М.ХАЙДЕГГЕРА: ОНТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА

Козырев Д. Н.

*Кандидат философских наук, доцент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА МЮ РФ)
(Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 101

В работе предлагается взгляд на новоевропейский гуманизм как на мировоззрение, принципиально не совместимое с технократизмом. Рассматривается место экзистенциального гуманизма Хайдеггера в этической традиции и подчёркивается его связь с фундаментальной онтологией.

Ключевые слова: гуманизм, технократизм, экзистенциальная антропология, поэтика, близость к бытию, онтология.

“LETTER ON HUMANISM” BY M. HEIDEGGER: ONTOLOGY AND POETICS

Kozyrev D. N.

*Candidate of philosophy, associate Professor
Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice of the Russian Federation).
(Saint Petersburg, Russia)*

The paper suggests a view of new European humanism as a worldview that is fundamentally incompatible with technocratism. The article considers the place of Heidegger's existential humanism in the ethical tradition and emphasizes its connection with fundamental ontology.

Keywords: humanism, technocratism, existential anthropology, poetics, proximity to being, ontology.

Человек есть существо этическое, и древняя оппозиция добра и зла образует стержень философских раздумий о мире. Стиль мышления определённой эпохи вносит в них свои коррективы; так, в наши дни положительный полюс прочно связывается с гуманизмом как апологией человечности и конкретными действиями в её защиту. Однако познание сути этого культурного феномена затрудняется семантической неоднородностью, изначально встроенной в это звучное слово. Неясность порождает недоразумения. С одной стороны, появляются пустые понятия (такие, как «классовый гуманизм», «экологический гуманизм»). С другой – провоцируется конфликт между религиозным мировоззрением как традиционным хранителем ценностей и «гуманизмом», понимаемым как знамя атеистического натурализма.

Хронологически рождение гуманизма соотносится с ренессансным обращением к античному наследию, однако содержащаяся в нём могучая и властная энергетика явно не вмещается в берега гармоничного греческого космоцентризма. Так, духовному лидеру Северного Возрождения кардиналу Николаю Кузанскому принадлежат слова «человек измеряет свой разум способностью творить». В трактате «Берилл» философ обращается к герметической традиции и извлекает из её недр дерзкий тезис «человек есть второй бог» (очевидно, им допускалась возможность согласования этой мысли с догматом о боговоплощении). В знаменитом афоризме Протагора («человек есть мера всех вещей») мыслитель видит ключ к раскрытию нового смыслового пространства. «Человек обнаруживает в себе как в измеряющем основании все сотворенное» [1, с. 99]; так тезис